

СВЕТЛАНА ЛУЧКИНА

ОТ НАС ЛЮДМИЛА НЕ УЙДЁТ

РАССКАЗЫ

Экскурсовод Людмила любила Пушкина. С детства. Всю жизнь она жила в маленьком домике в Пушкиногорье и привыкла считать Пушкина своим собственным, принадлежащим ей. Казалось, строки поэта искрятся и переливаются рифмами именно в её честь.

Когда после пединститута встал вопрос, куда пойти работать, Людмила уже знала, что пойдёт “к своему”, к нему, самому талантливому и весёлому из всех. Людмила увлекала посетителей вглубь аллеи, радостно щебетала с детства заученные строки, вдыхала аромат елей и требовала того же от туристов.

Однако были моменты, омрачавшие её служение поэту. Невежество экскурсантов. “За что ж его сослали? Он же только про природу писал...”

Их постоянное недоверие. “А дуб-то настоящий?”

Их новость откуда взявшиеся сведения о жизни поэта. “А я читала, что Арина Родионовна на самом деле молодая женщина была...”

Их постоянный поиск сенсаций. “Так его в могиле и нет, говорят! Выкопали и увезли. Или даже не закапывали!”

Но больше всего Людмилу задевали регулярно доносившиеся до её слуха реплики:

“Бедный Пушкин! Всю область до сих пор кормит!”

“Господи! Двести лет прошло, а они, кроме Пушкина, ничего и придумать не смогли!”

ЛУЧКИНА Светлана Александровна родилась в Москве в 1977 году, с красным дипломом окончила факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова по специальности “связи с общественностью”. Журналист. Кандидат филологических наук. В “Нашем современнике” публикуется впервые.

Администрация музея требовала от экскурсоводов профессионального развития: надо искать, расти, менять ракурс, подтверждать любовь к поэту и выводить её на новый современный уровень. В поисках новых граней любви Людмила пришла к доселе неизведанному внутреннему состоянию некоторой обиды на Александра Сергеевича. Как ещё надо говорить о нём? Разве она мало посвятила ему времени? Кормит он её... Да она всю жизнь прожила в дедовском домишке, и лишнего в нём ничего нет... Да и любовь... Разве настоящую любовь он описывает? Какие-то все больше фантазии. То ли правда так думал, то ли издевался... Красиво, да, с этим не поспоришь, но ведь нереальное всё это.

А в тот день группа, как назло, попалась слишком бодрая и состоящая из умников. Они буравили её своими пытливыми образованными глазами и как будто ждали откровений. Они и так всё знали. Но всё равно приехали и ждут полного пушкинского катарсиса. Хотелось бросить им: “Внимание! Посмотрите на левый угол усадьбы, сейчас из-за него появится Александр Сергеевич, ведь он на самом деле жив!” Они раздражали её знанием стихов, своими многозначительными кивками, уточняющими вопросами и жаждой подробностей.

— А почему вы четвертую главу не цитируете? Я смотрю, её толком никто не знает.

— А почему вы нас в кухню не сводили? Вот мужчина прошлую группу водил в этот флигель!

— Простите, как вас зовут, я не запомнила? Вы знаете, вы стихи очень формально читаете. Я не для того, чтобы задеть, просто на будущее...

— А почему вы нас в Аллею Керн не пускаете? Все по ней ходили. Что, липы именно на нас должны свалиться?

— А к книге Довлатова вы как относитесь?

— Между прочим, у Довлатова экскурсия намного насыщеннее, хотя там на территории одна развалюха стоит.

— О чём вы говорите? Они тут Довлатова до сих пор простить не могут.

У Людмилы от гнева краснела шея, и по лицу шли неровные розоватые пятна. Она молчала. Но в тот день она окончательно рассорилась с Пушкиным. Она была зла на него, на заповедник, на аллею, на дуб и даже на три сосны...

Мысль согласиться пойти работать администратором в только что построенную гостиницу пришла сама собой. “Хватит с меня стихов! Хватит мне этих сказок! Кому нужны легенды и эпитафии!”

Людмила была придавлена чувством несправедливости: она всю жизнь тащила поэта на себе. А он... Он ничем не помог. С брезгливым чувством разочарования Людмила заснула под тиканье дедушкиных часов... Во сне ей мерещились какие-то лишние звуки в её скрипучем старом доме, постукивания и шорох веток об окна. Но вдруг совершенно явно, где-то в ногах, кровать её прогнулась, и что-то тяжелое опустилось на самый её край.

“Кто-то сел...” — обожгло Людмилу. “Господи, помоги... У меня же и брать нечего... Если б хотели убить, наверное, уже убили бы... Вот что значит жить в непонятной глуши, в деревне, где и защитить некому”, — пронеслось в голове. И вдруг, растягивая гласные, нараспев, чей-то шепот прошелестел знакомыми строками:

...В своем наследственном селенье

Останься лучше без забот:

От нас Людмила не уйдёт...

Всё тело её стало одним бетонным блоком. Дыхание замерло. А шёпот многозначительно повторил, делая паузы через каждое слово: “От нас Людмила не уйдёт...” В сознание вползла мысль, что придётся что-то отвечать.

— Кто ты? — жалко пискнула Людмила из-под одеяла.

— Зачем ты обижаешься на меня, душа моя? Зачем задумала уйти в гостиницу “Арина”? Разве это твоё? — негромко зажурчал бархатный голос. —

Обижаешься, что я не помогал тебе... Эка выдумка... Но как я могу — я же Пушкин. Давно убитый на дуэли. Приёмным сыном барона... Ты же всё знаешь. Не дури, Людмила, мы вместе навеки. Брось глупые мысли.

С утра Людмила проснулась всё в той же одеревеневшей позе. Медленно вспоминая события прошедшей ночи и с опаской поглядывая на примятую простыню в ногах кровати, она взяла с полки несколько томов и села искать новые цитаты поэта и перечитывать четвёртую главу “Онегина”. Уже к следующему дню была готова новая экскурсия, учитывающая последние тенденции музейной отрасли.

Экскурсовод Людмила повязала на шею свой музейный платочек и, волнуясь и треща, побежала в усадьбу, по дороге перепрыгивая травинки и шурясь лучам, выстреливающим сквозь ветви. Как в первый раз! Навстречу новым умникам, навстречу аллеям, навстречу своему поэту.

ПЛОСКОСТОПИЕ КАК СУДЬБА

Иван Семёнович стоял перед дверью медицинского кабинета и смотрел на латунную табличку: “Мария Андреевна Гринёва, врач-ортопед высшей категории”. Он глубоко вздохнул, ещё больше ссутулился и шагнул в кабинет. Врач Мария Андреевна приветствовала больного острым, настороженным взглядом:

— Слушаю вас!

— Добрый... это самое... день, доктор...

— Добрый! Почему без приглашения? Здесь мог быть другой пациент.

— Простите, я не подумал... Я записался в регистратуре. Вот моя карта!

Мария Андреевна неуверенно взяла карту.

— Вы ведь знаете, что это коммерческая клиника?

— Конечно, вот чек, я всё оплатил...

— Ну, хорошо, присаживайтесь... Какие жалобы?.. — поинтересовалась

Мария Андреевна и с нажимом добавила, — по ортопедии?

— Жалобы... да, конечно...

— Плоскостопия у вас нет...

Иван Семёнович тревожно посмотрел на свои стоптанные ботинки в зелёных бахилах и втянул ноги дальше под стул.

— Ну... Не только же плоскостопие... Есть же и другие... это самое... диагнозы. Комплекс симптомов... И вообще ортопедия изучает...

— Вы пришли меня просветить в этом вопросе?

— Нет-нет, что вы... не вас!.. Скорее себя... себя просветить... У меня есть, есть жалобы! — осмелел Иван Семёнович.

— Конкретнее, пожалуйста.

— У меня голова конкретно болит! Очень... конкретно.

Доктор Гринёва медленно подняла глаза на Ивана Семёновича, словно хотела излечить его взглядом.

— Я. Врач. Ортопед, — произнесла она гипнотическим тоном.

— Я знаю-знаю... Просто не договорил... Голова начинает болеть, потом прямо по спине стреляет и в ноги отдаёт. И так сильно... Прямо ноги не ходят, Мария Андреевна. Отнимаются...

— Сюда же как-то дошли?

— Вот, как отнялись... так сразу к вам... С головы всё идёт и... в ноги, то есть до самых ног, то есть по всем ногам...

— По всем?

— Ну... по обеим... — Иван Семёнович заметно нервничал. Он нащупал на столе свою карту и начал сворачивать уголок обложки в трубочку. Мария Андреевна тоже начала нервничать и резко придвинула карту к себе.

— С головы — да. Точно. Тут вы правы. Всё с головы у вас, Иван Семёнович. Вам и обследование с головы надо начинать. У нас клиника многопрофильная. Есть, знаете ли, специалисты... Вам не ко мне надо!

— А это, Мария Андреевна, очень смелое заявление для ортопеда. У вас, между прочим... это самое... частная медицина!.. Вам что, пациенты не нужны? Это моё личное дело, к кому мне обращаться. Я вот к вам обратился. Я оплатил!.. У меня чек и... конкретно... жалобы. Я пациент! У меня голова!

— Ваша голова лично ко мне никакого отношения не имеет! — заявила Марья Андреевна и почувствовала, как её голову начинают сжимать тиски.

— Лично к вам имеет! — губы Ивана Семёновича дрогнули. — А раз вы ортопед...

— Раздевайтесь! — неожиданно гаркнула Мария Андреевна.

— Что?..

— Раздевайтесь! Сейчас как выпишем вам ортез для спины! От шеи до колен как закатаем сейчас, очень конкретно! И сразу будет вам “это самое”! На все ваши ноги мигом поставим!

Иван Семёнович обиженно хлопал глазами и выглядел очень удручённым. Казалось, что прямо от зелёных бахил к его горлу поднимается предательская тошнотворная волна какого-то удушливого отчаянья. Минуту он героически держался, но волна победила.

— Марусь... Марусечка... Пожалуйста!.. Я всё понял! Прости... Не могу я так... Приходи домой... Приходи!..

Марии Андреевне очень хотелось плакать. Но высшая врачебная категория и полная запись на сегодняшний день не позволили ей сдаться. Она громко крикнула по направлению к двери:

— Пожалуйста, следующий, проходите!

Иван Семёнович, сутулясь и хрустя изумрудными бахилами, вышел из кабинета. Мимо него юркнул тощий юноша лет шестнадцати.

Мария Андреевна, обхватив голову руками, смотрела на обложку медицинской карты, где прыгали и расплывались буквы: “Иван Семёнович Гринёв”.

ВЕРА

У Верочки был замечательный Инстаграм. Число подписчиков росло. И она чувствовала себя перспективным блогером. Не так давно она перешла из тематической ниши “инста-гёрл” в более солидную и ответственную категорию.

Верочка вышла замуж. Удачно. Красиво. И с приростом фолловеров. Родила Ванечку. Дорого. Безболезненно. И с выходом на сотысячного подписчика. Все этапы блестяще представлены в её аккаунте: закаты, Мальдивы, ноги, букеты, фитнес, живот, йога, цветы, коляска, пяточки, букеты, снова фитнес, снова ноги, прогулки, советы...

Однако нужен новый стратегический виток. Сыну исполнилось шесть месяцев, и Верочка стояла на пороге эффектного события — крещения. Обряд должен пройти нетривиально, красиво и душевно. Центральным вопросом стал выбор места. Храм Христа Спасителя? Елоховский? Один из монастырей? Обзвон возможных точек привёл Верочку к печальному выводу: никакой эксклюзивности от подобных мест не дожидаться. Очереди и запись на несколько месяцев вперёд... Одинаковый коммерческий подход ко всем. Чем удивлять подписчиков, если вся Москва делает то же самое?! Интуитивно Верочке хотелось, чтобы в церемонии заключалось что-то очень трепетное. Чтобы батюшка был ангелоподобный, крестильная отводилась только под их семью, не орали чужие младенцы, а служительницы не шикали и не попрекали за неправильные платки, юбки и макияж.

Изложив свои ожидания мужу, Верочка получила совет: “А ты найди где-нибудь в пещере святого старца, который живёт в лишениях! Там и народу никого, и в карман никто не смотрит, и приходи, в чём хочешь!”

Старца?.. Верочка живо представила, как в её Инстаграме появится лицо какого-нибудь отца Серафима, которого лет через пятьдесят канонизируют... Гениально! Поиск старца развернулся с применением всех технических

и коммуникационных средств. По всему выходило, что старец может обитать только за пределами города. Если не в пещере, то в какой-нибудь заброшенной церквушке, куда не добрались остальные инста-матери. Гугл навёл Верочку на старинную церковь Николая Чудотворца в деревеньке Валдайского района. Всё подходило идеально. Уникальный алтарь, все иконы сохранены. Благодаря крошечной удалённости деревушки от всех крупных городов приход не прекращал своего служения ни в советское время, ни в годы войны. Церковь не стала ни складом, ни планетарием, ни клубом, ни цирком, ни бассейном. В неё не попало ни одной бомбы во время войны. Иконы не срывались. Алтарь не осквернялся. Утварь не отправлялась на переплавку. Читая описание, глаза Верочки расширялись и наполнялись амбициозным восторгом. Душевное удовлетворение было так значительно, как будто это лично она спасла святыню от разграбления и сохранила её для человечества ценой собственной жизни.

Сайта у церкви, конечно, не имелось — только телефон с валдайским кодом. Пара гудков, и трубку сняли. Немного усталый женский голос, молодой, но приятный.

— Церковь Николая Чудотворца. Здравствуйте.

— Добрый день! У меня вопросик по поводу крещения ребёнка... С кем я могу поговорить?

— Можете со мной. Меня зовут Вера Николаевна.

— Очень приятно. Я хотела бы узнать, можно ли покрестить ребёнка? И возможно ли арендовать крестильную только под нашу...э... церемонию?

— У нас очень мало прихожан. Арендовать не имеет смысла. Просто приходите.

— А кто из священников крестит детей?

— У нас батюшка один... он служит очень много лет.

— А где о нём почитать? В интернете? Может на Патриархия-ру?

— Я могу вам всё рассказать. Батюшку нашего многие знают. Он уже немолод, ему восемьдесят шесть лет. Люди очень любят его.

— Восемьдесят шесть??? Это же и есть старец! Супер!

— Простите?..

— Я говорю: нам всё подходит! Мы можем сейчас согласовать дату?

— Приходите в любой день.

— Понимаете, мне нужно гарантированно... Мы поедем специально из Москвы.

— Из Москвы? Зачем? — грустно удивился голос.

— Мне хочется именно у вас.

— А как же первое причастие? А как же ребёнок с вами будет посещать церковь, где он принял крещение?

— Это не проблема. Мы потом на неделю останемся в “Валдай Резорт”, загородный клуб, недалеко от самого Валдая. И подекочим на первое причастие.

— Чтобы состоялось таинство, не обязательно ехать далеко, надо просто быть готовым, понимать и верить. В любом месте будет хорошо. И в любом месте...

— А как зовут вашего священника? Простите, что перебиваю. Я сама поощу.

— Отец Николай Муромцев.

— Спасибо. Я ещё наберу! Спасибо большое!

Однако никакой информации об отце Николае из данного прихода на просторах интернета не завалилось. Более опытные подруги говорили Верочке, что к крестинам надо готовиться, что “у них” есть “требования”, и без этого “они” могут “включить отказ”. Через пару дней Верочка снова набрала валдайский номер. Знакомый добрый голос ответил ей.

— Вера Николаевна, добрый день! Это опять я, насчёт крещения Ванечки. Какая нужна подготовка? Что мы сделать должны для... церемонии?

— Выбрать крестных родителей своему чаду и... верить. Вы верите в Бога?

Верочка замешкалась с ответом. Что-то помешало ей произнести уверенное “да”. В церковь она почти не ходила, а главные православные события жили в её сознании как общепринятые праздники. Рождественские украшения, пасхальные наборы, вербочки... Об особом смысле всего этого она не задумывалась. Прямой вопрос о вере подразумевал какие-то чёткие убеждения и знания на этот счёт. Интуитивно Верочка чувствовала, что надо бы иметь какую-то позицию, что-то уяснить для себя. Но что? В редких разговорах с подругами, по касательной затрагивающих эту тему, Верочка всегда говорила, что в Бога верит. Но сейчас этому голосу из трубки не смогла слушать и бросить привычное: “Да, конечно”.

Вопрос Веры Николаевны почему-то воскресил в памяти мамино лицо, внимательные глаза и — как следствие — чувство вины, постоянно задвигаемое вглубь сознания... Маме Верочка звонила редко, хотя деньги на её карточку переводила каждую неделю. Она бы звонила чаще, но всякий раз разговор с мамой вселял в неё тревожное чувство неудобства, неправильности её жизни. Было тягостно даже рассказывать про Ванечку, потому что неизбежно всплывал вопрос: “Когда же вы приедете ко мне? Мне бы его обнять!” Верочка собиралась организовать переезд мамы в Москву, но всё как-то не хватало времени заняться этим.

Однако Вера Николаевна ждала ответа, и спокойная тишина в трубке была терпеливой и многозначительной.

— Я думаю, что я верю... что надо верить... Но я не знаю... Этого же точно никто не знает. Просто каждый привык что-то думать...

— Простите, как ваше имя?

— Верочка... то есть... я тоже Вера.

— Верочка, вам нравятся красивые вещи? Красивая музыка?

— Конечно. Я очень люблю и вещи, и музыку, и всё красивое.

— А как вы понимаете, что вам это нравится, что это имеет значение для вас?

— Ну, как... я это вижу. Слышу. Я знаю.

— То есть, вы сначала это встречаете, а потом понимаете. Вы же совершаете определённые действия, чтобы увидеть красивые вещи? Вы включаете музыку. Идёте на концерт. Едете в магазин. Вы ищете эти впечатления.

— Вы хотите сказать, что мне надо сходить в церковь?

— Я хочу сказать, что вера — это то, что надо увидеть и почувствовать. Вот буквально “пойти и посмотреть”. Так и в Писании сказано. Это надо пережить. Христа надо искать и попытаться с Ним встретиться.

— Но как же я могу это сделать?

— Сложно верить в Бога только потому, что кто-то сказал, что так надо. Но сказанное и услышанное может заставить вас пойти, узнать, найти. Во что бы то ни стало. Понять всё самой!

— А я смогу это понять? Я что, смогу найти какие-то доказательства существования Бога? — Верочка была обескуражена.

— Ну, может быть, не доказательства... Но аргументы для себя вы точно найдёте, — улыбнулся голос в трубке.

Вера вдруг вспомнила один из “аргументов”, почти всегда всплывающий в разговорах с “неверующими”:

— Если Бог есть, как же он допустил войну?

— Верочка... войну допустили люди... Человек отвечает за свои поступки, у него есть выбор. Он свободен. Не стоит ждать, что Бог будет дёргать людей за веревочки, как марионеток, и говорить: “Так нельзя! Остановись”. Моисей сказал: “Вот, я полагаю пред тобой путь добра и зла, жизни и смерти. Избери жизнь”. Избери добро. У каждого из нас есть два пути. И каждый делает выбор.

— Я ничего плохого не делала. Наверное, я выбираю добро.

— Верочка, почему вы хотите крестить сына?

— Я хочу, чтобы у него всё было хорошо.

— Верно. Вы помогаете ему. Вы сделаете всё, чтобы Ванечка был счастлив. Но вы не сможете передать ему все свои установки. Что-то он будет

делать на своё усмотрение. Вы не сможете гарантировать правильность его выбора на протяжении всей жизни. Но вы можете помочь ему быть защищённым внутренне.

— Я поняла, Вера Николаевна. Мы постараемся ходить в церковь чаще.

— Человек, который знает Бога, носит церковь в себе. Это его крепость, броня, самая лучшая защита. Носить её в себе гораздо важнее, чем формально быть в ней. Берегите Ванечку!

Верочка вдруг почувствовала себя абсолютно незащищённой. Слезы зацепили ей глаза. Разговор стал сложным, странным и вывернул её наизнанку. Вроде бы, от неё ничего не требовали. И в то же время чувство чего-то не сделанного, глобально незавершённого навалилось на неё. Ей показалось, что оставленный с няней Ванечка сейчас в опасности. Что она должна непременно его увидеть. Что ей надо так много сказать маме. И, наконец, перевезти её поближе к ним.

Вечером муж, выслушав обо всех Верочкиных испытаниях, сказал, что про старца он вообще-то пошутил, а она просто запуталась в своих же фантазиях. Что в его бизнесе самое главное — не попасться в собственные капканы, а она как раз этим и занимается.

— Эх, столько энергии пропадает! — добавил он. — Возьму тебя завтра к себе в офис. Поможешь мне?

Но у Верочки уже созрел собственный, серьёзный план. Она решила ехать на Валдай. Найти деревушку, церковь Николая Чудотворца. Поговорить с Верой Николаевной, с батюшкой. В её голове кружилась стая мыслей, вопросов, не дающих покоя и требующих вылиться в действие.

В шесть утра Верочка уже была за рулём и мчалась по трассе, судорожно выстраивая мысленные диалоги. Внедорожник легко преодолел ремонтные работы на шоссе, деревенские ухабы, грунтовые дороги. Последний виток по навигатору — и цель близка. Дорога ведёт вверх, машина взбирается на самую высокую точку деревушки. Верочка, затаив дыхание, видит прыгающие и мелькающие из-за деревьев тёмные верхушки куполов. Машина освобождается от тисков дороги и выкатывается на открытое пространство. Что это?.. Верочка, ничего не понимая, в немом удивлении смотрит на открывшуюся перед ней картину.

Вместо уникальной церкви, не прекращавшей своё служение ни после революции, ни в годы войны, на Верочку смотрел чёрный скелет — обгоревший остов. Ветер гуляет сквозь удивлённые глазницы приделов. Несколько куполов и колокольня чёрными остриями вонзаются в небо. Сомнений быть не могло — церковь погибла.

Где же Вера Николаевна? Где старенький батюшка? Верочка в панике завертела головой и увидела в конце кривой, виляющей улочки удаляющегося мужичка с велосипедом. Даже не закрыв дверь машины, Верочка кинулась вдогонку.

— Простите, пожалуйста!.. Подождите!..

Мужичок остановился и глядел недоверчиво.

— Кого?.. Я?

— Да-да, простите! Скажите, что случилось с вашей церковью?

— Дык сгорела она... Вона же.

— Когда же это произошло? Вчера же ещё я говорила со служительницей, Верой Николаевной.

— Кого? Вера что ль? Вера была — да... Дык давно уехали они. Как пожар случился, через полгода и собрались.

— Как полгода?!

— А? Дык что им сидеть. А ща никто не знает, где они. Это ж лет пять прошло. Ну да, я как совхоз бросил, тогда и горело.

— Какие пять лет?! Что вы говорите — я с ней вчера по телефону говорила.

— Кого? Да не. Не может так быть. У нас телефон только в администрации работает!

— А батюшка? Отец Николай? Он был?

— Он, родимый, всегда был... Сколько себя помню! Да и маманька моя

только его и помнит. Мы тока при нём и жили. Он у нас как это... как его... у этих-то... Королева Елизавета! Жаль, что уехали они. Дай бог им здоровья!

Вера пристально смотрела на мужичка, пытаясь уловить признаки тяжёлого алкогольного отравления или безумия. Но мужичок, хоть и выглядел помятым, не походил ни на пьяного, ни на сумасшедшего. Что ж получается, это она потеряла рассудок?! Стоп! У неё же есть телефон! Бросив своего собеседника, Верочка опрометью бросилась обратно к машине. Позвоню сейчас же! Она схватила телефон, быстро нашла недавние вызовы, нажала набор номера. Поплыли гудки... Первый, второй... Трубку сняли. Запустилось сообщение автоответчика: “Добрый день! Ничего случайного не бывает. Просто пришло время осознать что-то важное. До встречи!”

Верочка звонила и переслушивала автоответчик много раз. Слушала и смотрела на чёрный остов церкви. Села в машину. В тишине деревни слышался только ветер, пролетающий сквозь церковь, пережившую военные времена и погибшую в мирные. Вся суета испарилась, уступив место чему-то главному. Верочке казалось, что у неё осталась одна извилина, и отныне она может думать только одну мысль. Мамин номер набрался сам собой:

— Мам, привет!.. Как ты?

— Вера, где ты всё время пропадаешь? У меня всё хорошо!

— Мам, как ты думаешь, где нам Ванечку крестить?

— Веруша, а может, вы к нам приедете? К нашему батюшке и сходим? Ты же помнишь его? Он и тебя крестил. Я его как раз вчера встретила. А он... — Мама говорила, говорила, говорила... Верочка больше ни о чём не думала и ни в чём не сомневалась. Всё как-то решилось само собой. Впереди, наконец, была встреча с мамой. И на душе стало легко.

ПИКЕ

Когда-то Виктор очень нравился женщинам. Когда-то он и себе больше нравился. Давно ли? Каких-нибудь тысячу литров тому назад... Да не всё потеряно. Виктор был уверен, как только захочет выйти из пике — сделает это легко. Просто встанет из-за стола на очередной дружеской кухне, стряхнет алкогольный пепел с мозгов, гордо вскинет бровь и уверенно пойдёт на встречу светлому будущему. Позвонит Петру и скажет, что он... ну, в общем... теперь он уж точно... на этот раз непременно... без дураков...

Это будет в любой момент, как только он решит. Пётр разве хирург от Бога? Просто ремесленник. Всегда труслив, ответственных операций избегает, на врачебный риск никогда не идёт. Вечно по накатанной — резекции желудка. Пётр — потрошитель кишок. Когда у хирурга мозги терапевта, он обречён быть целителем здоровых пациентов. А вот сейчас занял его — Виктора — место. Ну, что ж... Пусть порулит. Как только Виктор соберётся — руки перестанут дрожать, память перестанет саднить — царство Самозванца Петра Абдоминального закончится...

Дружки звали Виктора “доктор”. Если не трогать тему какой-то жуткой операции, после которой он сорвался, — мировой мужик! Уважали его за ум, за хладнокровие, щедрость, безбашенность и своеобразный юмор... Мог кого угодно уболтать, решить любую ссору.

Они поспорили, что доктор придёт в отделение банка и получит приличный кредит без всяких поручителей и залогов. Вот зайдёт гол как сокол, а выйдет с деньгами. Виктору идея понравилась. Деньги-то всегда нужны. А как отдавать — решим потом... Банк — животное неповоротливое, пока они поймут, что их кинули, — всё сто раз изменится.

Сидят в этих банках почти всегда женщины. А женщинам Виктор нравился. Ну, забронзовело лицо от алкоголя. Ну, взгляд немного устал и сполз в тёмные мешки под глазами. В этом есть некий шарм: интеллектуальная утомлённость от мира, глупости и суеты.

Чёткого плана у Виктора ещё не сложилось — только вера в собственную харизму и врождённое умение импровизировать в любых обстоятельствах.

Войдя в кредитный отдел и оглядевшись по сторонам, Виктор почувствовал неконтролируемое раздражение, источник которого он распознал не сразу. Он взял талон электронной очереди, но не спешил подходить к выпавшему ему окошку, переминаясь с ноги на ногу, оценивал обстановку.

Окно № 9. Молоденькая девушка в корпоративной косынке за столиком с боковыми перегородками. Отворачиваясь в сторону и прикрывая трубку ладонью, она говорила по телефону. До Виктора долетало журчащее “мамулечка”, “не беспокойся”, “все придут”, “всё-таки юбилей”, “ты гениально рисуешь”, “твой эскиз чудесный”, “приглашения напечатали”, “адрес всем разошлю”... Ещё чуть-чуть — и замыкает.

Наконец, Виктор плюхнулся на клиентский стул. Девушка вскинула глаза: — Мамулечка, надо работать. Всё, отдыхай! Я сама всех обзвоню.

Виктор скользнул взглядом по ее бэйджику.

— Наташенька, здравствуйте... Меня зовут Виктор. Ни о чём не говорит?

— Здравствуйте. Мы знакомы?

— Я старинный друг вашей мамы. Может, она когда-то упоминала... Виктор... Мы учились вместе.

— Ой... возможно... Я могу не помнить... — Девушка внимательно вглядывалась в посетителя.

— У неё скоро день рождения. Я бы хотел прийти и поздравить. Я очень виноват перед ней. Не видел много лет. Слишком много лет. Наши говорят, она будет отмечать юбилей. Но никто не знает адреса. Говорят: должны сообщить. А я бы хотел точно знать, мне надо подготовиться. Это очень важно.

— О... Да... Это я виновата. Я должна всем сказать. Ещё вчера собиралась прислать приглашения маминым друзьям. Она дала мне список. Но там вроде нет никакого Виктора. Ни одного Виктора... То есть... простите... нет вас...

— Не удивительно. Мы же столько лет не общались. Я так виноват перед ней. То есть это я раньше думал, что виноват только перед ней. А вот теперь знаю, что я и перед собой виноват... Знаете, как бывает... Думаешь, что всё впереди, а потом это “всё” сужается-сужается, и ничего не остаётся. Вот и я так — всю жизнь искал чего-то. Натерпелся. Но сейчас всё налаживается. Я надеюсь на это. Понял, что искать ничего и не надо было.

— Ну, и хорошо... — Наташа хлопала ресницами, смахивая неудобство этого разговора и странную откровенность посетителя. Симпатичный он, этот мужчина. Видно, что одежда дорогая, хоть и потрёпанная. Если у мамы был такой одноклассник, что ж она тогда... — Я рада. А сюда вы что? Зачем?

— Так я за адресом! Вы же сами говорите: меня в списке нет, как же я узнаю? Пожалуйста, дайте мне адрес! Я должен прийти.

На последней фразе Виктор достал из мужского арсенала свой самый проникновенный взгляд. Давно не приходилось им пользоваться. Подействовало как-то странно: процентов на пятьдесят. Наташа на секунду подвисла и перестала моргать:

— Ой... Давайте мы сделаем так. Я вас сейчас на телефон сфотографирую и скину маме. Она мне скажет, что вас помнит и хочет видеть. И тогда, конечно, я... Что? Что с вами?

Посетитель поблдевел, отчаянно затряс головой, губы стали синими. Он начал скороговоркой:

— Наташенька, что вы, что вы, что вы... Посмотрите на меня. Я в таком виде. Разве можно? Сейчас просто навалились обстоятельства. Продал квартиру в Омске, там жил несколько лет, вернулся в Москву, а деньги за сделку задерживает мой омский банк. Жду перевода, там приличная сумма, квартира в центре города. Это я сейчас, как бродяга. Я так хочу её увидеть, сказать ей всё. Поймите, я ждал встречи больше тридцати лет... Тогда так хорошо вышло... И чтобы она меня увидела таким... Нет! Лучше совсем ничего. Лучше я пойду... — Он начал неуклюже и рывками отодвигать стул.

У Наташи от волнения сжалось горло. Возможно ли? Не может ли этот человек быть... Боже... Ей показалось, что она держит в руках мамино счастье,

а оно трепещет в её ладонях, бьётся и вырывается. Ей очень нужно поступить сейчас правильно! Именно ей. Сделать верный выбор. Как у него дрожат руки... Ему сейчас станет плохо.

— Подождите! Ну... Виктор, подождите! Вы так говорите... Правильно ли я поняла вас?.. Ждал встречи больше тридцати лет? Что это значит?

Виктор уже стоял перед ней в полный рост. Наташа смотрела на него снизу вверх. Статный. Значит, пятьдесят лет, как и маме. Выглядит отлично для своего возраста. И глаза умные. И голос такой приятный.

— Это значит, Наташенька, — начал Виктор, стараясь изобразить смесь вселенской мудрости и житейской горечи, — что я опоздал. Я был молод и абсолютно глуп! Шансов что-либо исправить нет. Жизнь прошла.

Наташа поняла. Он такой же, как и мама. Вот что за люди: из всего делают трагедию, не верят в себя. Откуда это самоуничтожение и неготовность бороться?! Мама постоянно твердит, что она старая. Господи, это в пятьдесят лет? Она такая красавица! И вот этот Виктор. Такой мужчина, и вездето он опоздал. Откуда это в них? Бывшаяся в Наташиных руках мамина птица звала на подвиги:

— Виктор. Скажите честно, вы были влюблены в маму?

— “Были”... — буркнул он, — я и сейчас её люблю... Столько ждал, чтобы сказать ей... Я ведь так ни разу и не признался. Она, конечно, знала... И в тот вечер, на выпускном...

— Боже мой! — выдохнула девушка. Все пазлы её и маминой жизни вдруг сошлись. Все обрывки маминых рассказов, её слёзы в ответ на детские Наташины вопросы, порванные школьные фотографии — всё свелось к этому человеку. А ведь его история имеет продолжение. Но сейчас его привела сюда только любовь к маме.

— Так это вы... — продолжала Наташа. — Господи... бедная мамочка... Вы же ничего не знаете...

Девушка так интенсивно захлопала ресницами, будто накачивала воду в глаза из невидимого колодца. Виктор следил за этим процессом, стараясь сохранить трепетность и выразительность взгляда. Он чувствовал, что сейчас надо просто подождать. Наташа сдалась:

— Хорошо, мы поговорим после. Вот смотрите: я пишу адрес. Обязательно приходите. Вы давно в Москве? Помните, где Петровский бульвар? Мы собираемся в четыре часа, в субботу. Парковка там, знаете, если заехать...

Лицо Виктора искажилось, как будто от острой боли.

— Это же послезавтра!

— Ну, да, суббота...

— Я не успею получить перевод за квартиру. Я не успею оформить подарок. Я столько готовился. Всё пропало!

— Господи, — шёпотом выдохнула Наташа, — что за подарок?..

— Когда ей было шестнадцать лет, она мечтала жить у моря... даже рисовала... Рисовала мне... Понимаете, Наташенька? Домик, берег, цветы... Я нашёл такое место! Именно его! Идеально. Домик совершенно в её стиле. Для Кипра недорого. Хотел удивить её. Деньги-то у меня есть, только в Омске никто не торопится... Это в Москве банки быстро работают. Всё пропало!

Виктор упал на стул и вонзил пальцы в шевелюру. Мамино счастье в Наташиных руках разрасталось, рвалось на волю и требовало стать невообразимо прекрасной реальностью. Наташа бросилась в омут:

— Так! Виктор, надо взять себя в руки. Нельзя так падать духом! Выход всегда есть. Сколько нужно на... этот... мамин подарок?

— Пять миллионов рублей. Мне идёт перевод — семь. Пару оставляю себе на обустройство в Москве, то, сё. Я же, когда уехал, бросил квартиру в Москве, сейчас бы ремонт там сделать. Но это всё пыль! Как успеть к субботе?!

— Виктор. — Наташа перешла на материнский тон. — Я же сотрудник кредитного отдела. Нет ничего невозможного. Тем более для московских банков. Я могу оформить экспресс-кредит буквально за час. На себя.

По специальной линии, понимаете... Дам вам деньги уже сегодня, вы меня слышите? Вы потом мне вернёте.

Виктор поднял голову и смотрел на неё со странным раздражением в глазах.

— Не волнуйтесь, — заговорила она быстро и с жаром, — нам раз в год можно воспользоваться кредитной линией. Я уже три года работаю и ни разу ничего такого не брала. Поверьте! Все получится!

Виктор медленно покивал головой, но взгляд остался пасмурным.

— Вы встретитесь с мамой. Всё будет хорошо. Вы знаете, что она ни разу не была замужем? Вы много чего не знаете... но это всё потом... Возможно, подарком будет совсем не то, что вы думаете. Наконец, у неё появится... будущее... Понимаете, это самое важное! А вы говорите “жизнь прошла”! Ерунду говорите!

Она вдруг резко придвинула к себе клавиатуру и начала стремительно печатать.

— Виктор, мы должны торопиться, чтобы мне всё успели одобрить сегодня. А вы пока посидите на диванчике. Вон тот, жёлтый. Хотите я покажу вам мамины фотографии? Держите телефон! Там и картины её есть!

Наташа заполняла поля интерфейса, отправляла документы. Потом ждала решения и занималась с посетителями. И часто вскидывала глаза на Виктора. Он так и сидел на жёлтом диванчике с её телефоном в руках. Всё смотрел и смотрел. Опускал телефон. И снова смотрел. Он казался совершенно спокойным, но страшно сосредоточенным. Наташа подумала, что так выглядит их бухгалтер Ирина Георгиевна, когда старается сложить в уме два числа без калькулятора.

Через час Виктор вышел из отделения банка с небольшим свёртком в руках. Хмурясь, он скомкал листочек бумаги и сердито швырнул его в урну. Пошёл по улице, стремительно удаляясь от банка и жестикулируя на ходу.

— Чёртовы бабы, — шипел он себе под нос. — Вот дуры! Как так можно? Две несчастные дуры!.. Стоп! Ну, уж нет!..

Он остановился, подбежал к урне, запустил в неё руку, нашёл листок, вытащил, бережно расправил и убрал в карман.